

Исторические науки

УДК 93/94

В.В. Пономарева

Пономарева Варвара Витальевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории русской культуры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Ломоносовский пр., 27, корп. 4), e-mail: varvarapon@mail.ru

ЭВАКУАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ И ОТПРАВКА В ТЫЛ ЗАКРЫТЫХ ЖЕНСКИХ ИНСТИТУТОВ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ В ХОДЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В статье рассматриваются планы вывода женских институтов императрицы Марии с территорий, подверженных опасности оккупации французской армией, и реализация эвакуационных действий в ходе Отечественной войны 1812 г.

Ключевые слова: закрытые женские институты, женское образование, Отечественная война 1812 года, императрица Мария Федоровна, эвакуация

V.V. Ponomareva

Ponomareva Varvara Vitalyevna, candidate of historical sciences, senior researcher of the laboratory of history of Russian culture of the Moscow state university n.a. M.V. Lomonosov (27, Lomonosovsky Pr., Moscow), e-mail: varvarapon@mail.ru

EVACUATION PLANS AND SENDING TO THE REAR OF CLOSED WOMEN'S INSTITUTES OF THE EMPRESS MARIA DURING THE PATRIOTIC WAR OF 1812 YEAR

The article discusses the plans for the withdrawal of the closed women's institutes of Empress Maria from the territories endangered of the French occupation, as well as implementation of evacuation actions during the Patriotic War of 1812 year.

Key words: closed women's institutes, women's education, Patriotic War of 1812, Empress Maria Fedorovna, evacuation.

Закрытые женские институты (учебно-воспитательные интернаты со средним общеобразовательным курсом), находившиеся под непосредственным покровительством императрицы Марии Федоровны, к моменту вторжения французской армии действовали в Петербурге и Москве. Свидетельства об этом драматическом эпизоде сохранились в фондах институтского делопроизводства, документах личного происхождения, исторических очерках институтов. Немалая часть документации институтов велась по-французски, на языке неприятеля, что являлось отражением своеобразия социокультурного развития России той эпохи.

Наибольшей опасности подверглись два московских института – училища ордена св. Екатерины (Екатерининский институт) и Александровское. Оба они существовали к этому моменту совсем короткий срок: первое было открыто в 1803, второе – в 1805 г.

Вторжение французской армии началось в июне, а в начале августа императрица Мария Федоровна, беспокоясь о своих институтах, написала в Москву о необходимости «спасти вверенных попечению нашему девиц от всякой опасности и возможного поругания» [2, с. 374]. Был взят Смоленск, враг приближался к Москве. Известия о «неистовствах, которым предавал

себе неприятель против женского пола в городах, попавших в его владение» заставляли императрицу торопить с отъездом. В своем письме от 22 августа она писала в Москву: «дошедшие до меня известия о свирепостях неприятеля подают мне повод к опасению в рассуждении взрослых наших питомцев обоего пола, в том числе воспитанниц, приуготовляемых к званию наставниц, и воспитанников, обучающихся латинскому языку и наукам. Помышляя, что жизнь, честь, невинность и нравы могут подвержены быть крайней опасности, я почитаю необходимым удалить из Москвы всех воспитанниц свыше 11-ти и воспитанников свыше 12-ти лет» [2, с. 388].

Планы спасения учебных заведений пришлось составлять второпях. Прежде всего было решено напечатать в газетах извещение о том, что живущим в Москве и Московской губернии родителям надлежит забрать своих дочерей по домам, если имеется такая возможность. Благодаря этой мере значительная часть девиц была взята домой [4, л. 170]: из 263 воспитанниц на попечении институтского начальства осталось 136.

Было принято решение об эвакуации институтов в Казань, куда отправлялись и некоторые другие московские учреждения, в том числе университет. Состоялось чрезвычайное заседание Совета институтов, на котором обсуждался маршрут: воспитанницы и пепиньерки (ученицы специального педагогического класса). В сопровождении начальницы, инспектрис, классных дам, штаб-лекарей и других служащих сухим путем на повозках должны были добраться до Коломны или Владимира, а оттуда – по воде в Казань. Рассматривалась также возможность отправить институты в Нижний Новгород, однако, по сообщениям с мест, подходящего помещения там не нашлось бы. Были составлены списки эвакуируемых людей, опись всех вещей – и тех, что брали с собой, и тех, которые пришлось оставить в городе. Не обошлось без недоразумений: по ошибке одна из девиц, отданная на руки отцу, осталась в списках, поднялась тревога, и девочку отыскивали, наконец, в Нижнем Новгороде, в кругу семьи [1, с. 73].

Обстановка усложнялась в связи с крайне сжатыми сроками проведения эвакуации. Генерал-губернатор Ф.В. Растопчин обнадеживал руководство учреждений императрицы Марии, что город неприятелю не будет сдан. Срочно закупались дорожные сундуки, в них укладывались: белье, платье, постель, «прочие мелочные для дороги вещи». Особенно трудно было найти подходящий транспорт. В распоряжении обоих институтов находились одна коляска, одна четырехместная и две двухместные кареты. Московские дворяне пожертвовали еще 11 четырехместных и шесть двухместных карет, а также две коляски. Те, кому не досталось мест в каретах, должны были довольствоваться телегами.

Характерно, что транспортные средства были распределены между институтами в соответствии с сословной принадлежностью их воспитанниц. Екатерининский институт предназначался для «высшего» сословия, сюда принимались дочери капитанов и выше (по придворной и гражданской службе – чины с VIII класса). В Александровском институте учились дочери обер-офицеров, а также мещан из городских гильдий и иных городских слоев. Поэтому воспитанницам Александровского института досталось лишь три кареты, остальные предназначались для дворянок – воспитанниц Екатерининского.

«Громоздкий поезд» из обозов, куда помимо институтских обитателей поместились более 300 малолетних детей из Воспитательного дома, двинулся по дороге в Коломну. Институты, кроме почетного опекуна и 43 служителей-мужчин, сопровождала «стража из инвалидов», обер-офицера, унтер-офицера, двоих надзирателей и двоих сержантов. О лошадях позаботился Растопчин: «потребное число обывательских лошадей» доставили беглецов до границ уездов, где им на тракте были приготовлены перемены. Через десять дней после отъезда Москва была занята французской армией.

Когда императрица Мария Федоровна узнала о способе передвижения институток, она была крайне огорчена. Очевидно, императрица в то время еще плохо представляла себе всю бедственность обстановки, в которой

оказались московские жители. Получив отчет об организации транспортировки из старой столицы, императрица в письме от 26 августа писала, что была поражена, как институтский Совет «мог... решиться», а почетный опекун – согласиться «допустить, что благородных девиц отправить на телегах». Это унижительная ситуация огорчила Марию Федоровну до слез: «уже довольно Мне прискорбно, есть ли необходимость заставила возить на телегах воспитанниц Александровского училища, которые из нижних офицерских, мещанских и подобного состояния детей; а дочерей лучшего Дворянства – на телегах! Не могу Себе представить без огорчения и, прямо сказать, стыда, и даже слез. Неужели в обширной, изобильной всем Москве не можно было, есть ли не ссудою, то наймом достать потребного числа карет?» [7, с. 359].

Находившиеся в пути почти три недели институты прибыли в Казань 13 сентября. Для размещения было предназначено здание местной гимназии, оказавшееся слишком тесным [4, л. 170 об.].

Примечательно, что, несмотря на все заботы и огорчения, связанные с драматическим бегством женских институтов из Москвы, императрица не упустила из вида организацию учебного процесса. Почетный опекун, на попечении которого находились институты, не позаботился об этом, и императрица открыто выразила ему свое неудовольствие. Стремясь как можно скорее наладить учение, она сама обратилась к попечителю Московского учебного округа, испросив для институтского инспектора классов, профессора Л.А. Цветаева, временную «отставку от университета», а затем распорядилась отправить вслед за институтами в Казань «лучших учителей», причем не позабыла об обеспечении их «прогонными» деньгами.

Быстрое продвижение французских войск заставило задуматься о судьбе Петербурга. Император Александр I собственноручно составил записку с перечнем того, что следует вывезти из столицы. В числе прочих учреждений он назвал «Заведения под непосредственным начальством императрицы Марии Феодоровны состоящие» [9, с. 556]. К этому времени в

Петербурге, помимо старейшего Смольного института (состоявшего из двух отделений – Воспитательного общества благородных девиц и Мещанского училища), действовали Мариинский и Екатерининский институты (училище ордена св. Екатерины).

Петербургские учебные заведения, в отличие от московских, располагали временем, чтобы подготовиться к эвакуации как следует. Для составления конкретного плана был созван особый Совет, рассматривавший различные направления отъезда. Первый вариант предполагал отъезд по большой московской дороге через Тверь и Ярославль в Казань или другие «знатнейшие города: Кострома, Нижний Новгород, Макарьев, Казань, Симбирск» [5, л. 385], но был признан неудобным. Рассматривался еще один вариант транспортировки людей – сухим путем через Тихвин и Ярославль, а вещи – водой, через Тихвинский или Мариинский каналы. Однако было решено, что хотя эта дорога и «отдалена от театра войны более первой», а потому более «надежна», но также «нехороша», как и «Архангелгородская», которая для больших экипажей в осеннее и зимнее время «непроходима, угрожает суровостью климата и погоды», а также «удаляет девиц от всех губерний, где их родственники находятся, и затрудняет их содержание». Последнее возражение выдвигалось и против «финляндской» дороги «морем до Абова и Гельсингфорса» (Великое княжество Финляндское, ныне г. Турку и г. Хельсинки), хотя в остальном этот путь представлялся наиболее удобным.

Сама императрица Мария Федоровна предпочла выбрать конечным пунктом Кексгольм (Выборгская губ., ныне – г. Приозерск), небольшую крепость, в стенах которой находилось достаточно казенных зданий для размещения эвакуируемых. Вещи предполагалось везти водой, при этом отправить все не позднее 1 октября, поскольку судоходство по рекам и искусственным каналам, «к северу лежащим», продолжалось не позднее 15, самое позднее – 18 октября, и тогда обоз рисковал бы застрять в дороге на

реке Свири, тем более что «в короткие дни и долгие ночи путь удлиняется» [5, л. 412–412 об.].

Начались сборы. В распоряжение институток по приказу Александра I было предоставлено 38 парадных экипажей. Однако поскольку дороги на Кексгольм «весьма гористы», а кареты – тяжелы, решено было «переезд сей учинить в телегах», к которым следовало сделать специальные навесы, соорудив таким образом более удобные для длительного путешествия кибитки. Для институток были подготовлены дорожные платья и обувь, в том числе сшиты теплые капоты, шапочки с подкладкой, теплые панталоны, куплены полусапожки [8, л. 4 об., 6]. Отдельной графой были помечены расходы на «дорожные стольчаги для ночлегов и прочего, на что употреблено 30 табаретов, и для которых сделано 30 горшков из черного железа по 1 р. 50 к., 60 пар петель железных по 55 коп., сверх того в кареты 40 горшков из белого железа по 2 р.» [6, л. 7 об.]. Таким образом, для облегчения дорожных тягот институток были приняты всевозможные меры. В Кексгольм был командирован чиновник с предписанием коменданту подготовить помещения для женских институтов, позаботиться о заготовке дров, мясных и молочных припасов [8, л. 38–38 об.].

Перелом в ходе военных действий положил конец этим приготовлениям, и 5 декабря 1812 г. императрица Мария Федоровна распорядилась о возвращении воспитанниц, отданных родителям, в петербургские институты и продолжении учебных занятий обычным порядком [6, л. 5].

Армия Наполеона оставалась в Москве немногим больше месяца, и 8 октября покинула старую столицу. За это время, как доносил глава Воспитательного дома И.А. Тутолмин Ф.В. Ростопчину в конце октября 1812 г., «оба институтские Екатерининский и Александровский дома», хотя пожаром повреждены не были, подверглись полному разграблению [2, с. 403, 406]. Работами по приведению зданий в порядок, которые заняли немало

времени, руководил архитектор Жилярди. Лишь 10 июля 1813 г. московские институты покинули Казань и отправились обратно, в Москву [3, с. 404–405].

В ходе Отечественной войны 1812 г. женские учебные заведения понесли значительные потери. Если для петербургских институтов они заключались в ущербе для их небогатого бюджета и недолгого перерыва в учебных занятиях, то московские институты пострадали намного серьезнее. Московские институты к началу войны существовали совсем недолго, но тем не менее, эвакуационные мероприятия удалось провести успешно и в короткий срок. Это был первый опыт эвакуации, которую пережили русские женские институты.

Список используемой литературы:

1. Бумаги Отечественной войны 1812 г. / Сост. П.И. Щукин. Кн. 1. Ч. 1. М., 1897. 168 с.
2. Бумаги Отечественной войны 1812 г. / Сост. П.И. Щукин. Кн. 8. Ч. 8. М., 1904. 430 с.
3. Казанский литературный сборник. Казань, 1878. 539 с.
4. Российский государственный исторический архив (г. Петербург). Ф. 759. Оп. 4. Д. 505.
5. Российский государственный исторический архив (г. Петербург). Ф. 759. Оп. 8. Д. 12.
6. Российский государственный исторический архив (г. Петербург). Ф. 759. Оп. 18. Д. 203.
7. Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. 398 с.
8. Центральный государственный исторический архив (г. Петербург). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1367.

9. *Черепнин Н.П.* Императорское воспитательное общество
благородных девиц. Ист. очерк. 1764–1914. Т. I. СПб., 1914. 648 с.